

Борис Вадимович Ковалев¹
Федор Никитич Двнятин²

¹ лаборант-исследователь, кафедра романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9)
E-mail: bvkovaliev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>

² кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9)
E-mail: f.dvinyatin@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7111-0133>

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ: О СЕМАНТИЧЕСКОМ ИНВАРИАНТЕ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Аннотация

В статье анализируются ономастические особенности номинации *Карамазов* в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Предпринимается обзор ее основных толкований. В большинстве исследований на эту тему предлагается тюркская этимология, связывающая фамилию *Карамазов* со словом *qara* ‘черный’. Классификация имеющихся интерпретаций антропонима осуществляется на основе двух критериев: метода формулирования литературного имени и способа реализации транстекстуальных связей. Подход позволяет предложить новую интерпретацию антропонима *Карамазов*. Авторы доказывают, что эта номинация включает в себе оппозицию «красное vs черное» (*qara* ‘черный’ vs *kirmiz* ‘красный’), которая актуализируется на всех уровнях текста: этимологическом, историко-литературном, интертекстуальном и собственно текстовом. В сопоставлении с романом Достоевского анализируется аналогичная оппозиция в романе Стендаля «Красное и черное». Речь идет о типологическом сходстве — синонимии не конкретных имен, персонажей и сюжетных ходов, но импликаций, ассоциирующихся с «красным» и «черным» и лежащих в общем пространстве литературной традиции. Авторы делают вывод, что *Карамазов* — уникальная для русской литературы номинация, допускающая ряд взаимодополняющих интерпретаций, мотивировки которых представляются убедительными и основательными. Именно она является ключом к пониманию текста, включает в себе оппозиции и конфликты, которые реализуются на различных уровнях романа и организуют весь текст.

Ключевые слова: литературная ономастика; Достоевский; этимология; интертекстуальность; «Братья Карамазовы»; структура текста; метод формулирования литературного имени

Благодарности

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 95434615.

Для цитирования

Ковалев Б. В., Двинятин Ф. Н. Красное и черное: о семантическом инварианте в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 169–186. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.008

Рукопись поступила в редакцию 17.07.2023

Рукопись принята к печати 15.12.2023

Boris Vadimovich KOVALEV¹

Fyodor Nikitich DVINIATIN²

¹Research Fellow, Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya emb., 199034 St Petersburg, Russia)

E-mail: bvkovalov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1904-1844>

²PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya emb., 199034 St Petersburg, Russia)

E-mail: f.dvinyatin@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7111-0133>

RED AND BLACK: ON THE SEMANTIC INVARIANT IN FYODOR DOSTOEVSKY'S *THE BROTHERS KARAMAZOV*

Abstract

The article examines the onomastic aspects of the *Karamazov* surname in Fyodor Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*, reviewing its primary interpretations. The majority of studies on this subject suggest a Turkic origin, associating the surname with the word *qara* 'black'. Existing interpretations of the anthroponym are categorized based on two criteria: the way they interpret the method of encoding information into a literary name and the approach to tracing its transtextual connections. This analytical framework facilitates a novel interpretation of the surname *Karamazov*, revealing its embedded opposition of "red vs black" (*qara* 'black' vs. *kirmiz* 'red'), which permeates various levels of the text, including etymological, historical, literary, textual, and intertextual dimensions. Additionally, the paper compares this opposition with a similar thematic contrast in Stendhal's novel *The Red and the Black*, focusing on typological parallels rather than specific names, characters, or plot elements. The authors assert that *Karamazov* represents a distinctive feature of Russian literature, accommodating multiple interpretations supported by compelling and comprehensive motivations. This nuanced understanding is pivotal for decoding the text, as it underscores the oppositions and conflicts that shape the narrative across different layers of the novel.

Keywords: literary onomastics; Dostoevsky; etymology; intertextuality; *The Brothers Karamazov*; text structure; types of literary names

Acknowledgements

The authors acknowledge Saint Petersburg State University for a research project 95434615.

For citation

Kovalev, B. V., & Dviniatin, F. N. (2024). Red and Black: On the Semantic Invariant in Fyodor Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 169–186. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.008

Received on 17 July 2023

Accepted on 15 December 2023

1. Введение

По отношению к номинации *Карамазов* в литературоведении, по всей видимости, установлен своеобразный консенсус. Признается множественность допустимых интерпретаций, которые рассматриваются как не противоречащие друг другу и взаимодополняющие. В нынешней ситуации перед исследователями стоят две задачи: с одной стороны, возникает необходимость систематизации уже имеющихся подходов. С другой стороны, актуализируется необходимость поиска новой интерпретации, которая могла бы не только обеспечить новую оптику и пролить свет на ономастический круг проблем, сопряженный с номинацией *Карамазов*, но и переосмыслить саму структуру романа — как в лингвистическом, так и в литературоведческом аспекте.

Настоящая статья является попыткой разрешить эту проблему с учетом достижений последних десятилетий и с применением новейших методов, разрабатываемых нами в рамках более широкого исследования.

2. *Карамазов*: базовая версия и разные подходы

В целом можно выделить несколько подходов к анализу номинации *Карамазов*, которые встречаются в работах разных авторов.

Одна из самых распространенных версий состоит в том, что фамилия *Карамазов* происходит от тюрк. *кара* ‘черный’ и рус. *мазать* [Унбегаун 1989: 190]. Согласно Р. Пису, первая часть фамилии восходит к русскому слову *кара*, а вторая — к тому же глаголу *мазать*: *Карамазов*, по его версии, — «мазанный карой» [Пис 2007: 25].

Т. А. Бондаренко придерживается другой точки зрения: «Семантический анализ фамилии *Карамазов* в контексте всего творчества Ф. М. Достоевского, а также в русле философии эпохи “русского ренессанса” конца XIX столетия приводит к убедительной версии образования этого антропонима от другой фамилии — *Богомазов*, путем замещения первого исторического корня этого имени *Бог-* антонимичным в метафорическом значении корнем *Кара-* <...> фамилия *Карамазов* являет собой антиномию фамилии *Богомазов*. Компонент *богомаз-* может трактоваться двояко: *богомаз* — буквально — иконописец,

метафорически — помазанник Божий. Следовательно, семантика компонента *карамаз*- прочитывается как “черный помазанник, наместник дьявола”» [Бондаренко 2006: 13–14].

Иную популярную версию приводит И. Л. Чицова: номинацию можно объяснить в свете ее сходства с фамилией Д. В. Каракозова, «террориста-народника, совершившего в 1866 г. покушение на царя, что вполне соотносится с замыслом Достоевского сделать главного героя, Алешу Карамазова, впоследствии революционером» [Чицова 2013: 75]. Эта точка зрения восходит к книге К. Ф. Головина «Русский роман и русское общество»; по всей видимости, она утвердилась в общественном сознании в качестве одной из популярнейших за счет комментариев Л. П. Гроссмана к полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского и трудов М. С. Альтмана [1976: 118]. Сегодня эта интерпретация получила широкое распространение за пределами сугубо филологического поля.

В том же русле находятся следующие рассуждения: «Мотивом, который стоял бы за переключкой фамилий и который бы перекинул мост между “каракозовщиной” и “карамазовщиной”, должно было стать отцеубийство или готовность к нему» [Бондаренко 2006: 14]. Также Бондаренко выдвигает гипотезу, что материалом для создания фамильного имени *Карамазов* могли послужить и дворянские фамилии тюркского происхождения *Карамышев* (от тюрк. *карамыш* ‘защитивший, защищающий’ [Баскаков 1979: 121]), *Карандеев* (от тюрк. *каранды* ‘солидный’, ‘с большим животом’ [Там же]), *Каратеев* (ср. булг.-казан.¹ *Каратай*, р. ‘Черная речка’ [Там же: 231]), *Картмазов* (от тюрк. *картмаз* ‘нестареющий’ [Там же: 209]).

Тюркскую линию рассуждения продолжает И. А. Скуридина. В своей монографии она также ссылается на Н. А. Баскакова [1979: 206], но находит иную интерпретацию: «По этой же модели образованы другие русские фамилии тюркского происхождения: *Карамазов* от *qara* ‘смотреть’, *qara-taz* ‘не смотрящий’ + *-ov* <...> *taz* — тюркский аффикс причастия настоящего и будущего времени в отрицательной форме» [Скуридина 2007: 71].

Таковы основные точки зрения на происхождение номинации *Карамазов*. Представляется удобным суммировать все вышеозначенные позиции при помощи номинологического метода, подробно изложенного в монографии «Имя в прозе» [Ковалев 2023: 20–33]. Суть его сводится к анализу номинации героя с двух точек зрения: механизма реализации транстекстуальной связи и метода формулирования. Механизм реализации транстекстуальных

¹ Заметим, что указание на болгаро-казанский диалект есть в диссертации Бондаренко [2006: 14], но нет у Баскакова.

связей — характеристика номинации персонажа с точки зрения взаимодействия с внетекстовой реальностью / реальностью других текстов. Для отслеживания механизма реализации транстекстуальных связей строится цепь, на которой отмеряются шаги от исходной номинации до объекта отсылки.

Метод формулирования — это характеристика номинации персонажа с точки зрения способа ее выражения в тексте. Существует несколько типов номинаций по методу формулирования: говорящее имя, имя-ключ, фонетически связанное и нейтральное. В данном случае нас будут интересовать категории говорящего имени и имени-ключа.

Говорящее имя — способ прямого формулирования; имя-ключ — косвенного. Они, в свою очередь, подразделяются на несколько типов. Говорящее имя I степени (Г1) — номинация, содержащая прямое указание на объект без каких бы то ни было формальных изменений (*Кутузов* из «Войны и мира» Л. Н. Толстого прямо отсылает к имени исторического лица). Говорящее имя II степени (Г2) — номинация, которой свойственно совпадение имени героя с протонимом, но не их единство: герой с конкретной номинацией «играет роль» носителя своего протонима в реальности текста (*Петя* — апостол Петр из «Говорим по-русски» В. Набокова). Говорящее имя III степени (Г3) — формулировка, каламбур или анаграмма, указывающая на ключевой имманентный признак героя (*Слепцов* из «Рождества» В. Набокова «слеп», поскольку поначалу не видел сокрытой жизни сына, а после его гибели перестал видеть смысл в жизни).

Имя-ключ как категория делится на следующие типы.

К1: косвенное указание на объект отсылки. Имя заменяется другим, похожим по звучанию и/или написанию, но: а) не совпадающим с именем объекта отсылки; б) реально существующим именем; в) не являющимся продуктом игры слов, лингвистических перестановок (набоковский *Мартын Мартыныч*, отсылающий к лермонтовскому Максиму Максимычу из «Героя нашего времени» [Ковалев 2023: 28]).

К2: каламбур, перифраз, ономастопея или анаграмма, кодирующая номинацию объекта отсылки (*Анна Никаноровна* — Анна Каренина из «Подлеца» В. В. Набокова). Важен именно лингвистический сдвиг, наличие формальной игры.

К3: не прямое указание на признак героя или его номинацию, поддержанное внешней характеристикой в тексте в силу отсутствия языковой игры, вербальных приемов (*Алла Львовна* — Афина Паллада из романа А. А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов»: слабое фонетическое сходство усиливается портретной и сюжетной характеристикой, ясно отсылающей к греческой богине). Отличается от К1 неочевидностью

формулирования и большей значимостью внешней мотивировки для интерпретации.

К4: референтный критерий. В имени содержится указание на некую косвенную, но тем не менее важную характеристику, деталь, которая может быть связана с биографией автора, особенностями ситуации и пр. (например, *Лужин* из «Защиты Лужина» В. Набокова, по одной из версий, отсылает к городу Луга, находящемуся неподалеку от усадьбы Набоковых в Рождествено) [Ковалев 2023: 28].

В итоге получаем следующие соответствия (см. табл.).

Интерпретации номинации *Карамзов*

Сторонник концепции	Механизм реализации транстекстуальных связей	Цепочка	Метод формулирования
Б. Унбегаун [1989]	Одношаговый этимологический	<i>Карамзов</i> — тюрк. <i>kara</i> + рус. <i>мазать</i>	Имя-ключ, К3. Есть лингвистический сдвиг, соединение корней из разных языков
Р. Пис [2007]	Одношаговый этимологический	<i>Карамзов</i> — рус. <i>kara</i> + <i>мазать</i>	Говорящее имя, Г3. Лингвистический сдвиг не подразумевается, два корня из одного языка
Т. А. Бондаренко [2006]	Одношаговый этимологический	<i>Карамзов</i> — <i>Богомазов</i>	Имя-ключ, К1. Замена имени похожим реальным и похожим по звучанию
М. С. Альтман [1976]	Одношаговый	<i>Карамзов</i> — <i>Каракозов</i>	Имя-ключ, К2. Замена одной реальной номинации другой, имеющей референта в истории на основе внутреннего созвучия
Т. А. Бондаренко [2006], И. А. Скуридина [2007]	Одношаговый этимологический	<i>Карамзов</i> — <i>Qara-maz+-ov</i>	Имя-ключ, К4. Формулировка на основе внешнего референта, которым служит ряд других тюркских фамилий

Однако наша цель — не только резюмировать имеющиеся подходы к трактовке номинации *Карамазов*, но и предложить новую интерпретацию этого антропонима, которая может оказаться определяющей в перспективе комплексного рассмотрения поэтики «Братьев Карамазовых» как на лингвистическом, так и на литературоведческо-эстетическом уровне.

3. Вторая версия этимологии: *Кармазинов* и далее

Опорным «именным прототипом» *Карамазовых* (в первую очередь Алексея, дальнейшими обстоятельствами судьбы которого — при этом не вошедшими в текст романа «Братья Карамазовы» и известными из творческой истории текста и/или ее реконструкции — эта фамилия мотивирована) является *Каракозов*. Другая линия мотивации уводит к довольно близкой фамилии — *Кармазинов* (персонаж «Бесов»). В фамилии *Кармазинов* обыгрывается, кажется, не только (через отсылку на красный цвет, о чем см. ниже) оппозиционное умонастроение писателя, но и его социальный статус. Достоевский мог помнить соответствующие фрагменты из романа Пантелеймона Кулеша «Черная рада», главы которого печатались в «Современнике» в 1845–1846 гг., а также в «Москвитянине» (1856); полный текст русской версии романа вышел в 1857 г. в «Русской беседе»: «В костюмах их не было красного цвета, составлявшего принадлежность высшего сословия: мещане носили тогда платья синих, зеленых и коричневых цветов; а беднейшие из них носили лычаковые желтого горячего цвету кунтуши и жупаны, почему козаки и паны прозвали мещан *лычака́ми*, а те их — *кармази́нами*» [Кулеш 1846: 68–69]. В поздней редакции автор предпринял стилистическую правку, заменив «костюмы» на «одежды», устранив двойное «носили» и убрав во всех смыслах колоритный эпитет «желтого горячий». Введя это разъяснение, Кулеш далее не раз называет (устами действующих лиц) представителей «высшего сословия» *кармазинами*. Если наши предположения верны, фамилия *Кармазинов* указывает на якобинствующего барина.

Слово *кармази́н* ‘красная, алая ткань’ в старорусском языке — западноевропейское заимствование, скорее всего, через польск. *karmazyn*, которое, в свою очередь, вероятно, восходит к нем. *Karmoisin*, *Karmesin*; ср. ит. *carmesino*, исп. *carmisin*, *cremesin*, (ст.-)фр. *cramoisin*, все обозначения красной, алой, пурпурной ткани, также ит. *chermisi*, исп. *carmisi*, фр. *carmoisi*, обозначения самого соответствующего цвета; к этому же корню восходят английские обозначения вплоть до современного *crimson* [Яценко 1999: 53]. В западноевропейских языках этот корень является восточным заимствованием, скорее всего, арабским; он представлен также в огузских тюркских языках; в арабский и в тюркские

он заимствован из индоиранских языков. Араб. *qirmiz* ‘карминоносный червец, кермесный червь’, *qirmizī* ‘красный, алый’ восходят к перс. *kirmiz*. Иранские формы обычно фиксируются с начальным *q-*, это может объясняться как арабским, так и тюркским влиянием (или даже источником): предполагается, что перс. *kirmiz* заимствуется арабским как *qirmiz* и возвращается уже в такой арабизированной форме — либо роль дополнительного посредника играют тюркские языки. Иранские обозначения (а также др.-инд. *kṛmīṣ* ‘червь, личинка’), восходят к и.-е. **k^wrmis* ‘червь’, как и праслав. **čьrvь* ‘то же’, **čьrть*, откуда рус. *чермной*, *черемуха* и др. (появление *-в-* в *червь* и под. не до конца ясно). Существует также родственное или только созвучное (предполагают, в частности, табуирование и эвфемистическую замену) и.-е. **w^rrmis* ‘червь’, к которому восходит лат. *vermis*, прагерм. **wurmiz* > нем. *Wurm*, англ. *worm* и др.; к одному из этих корней, видимо, восходит также др.-греч. ἑλμινς ‘гельминт’ [Яценко 1999: 50–55]. Не потеряла значения работа с многочисленными сопоставлениями, выписками и предположениями [Гамель 1835]. Устойчивая связь червя с красным возникает именно из-за добычи красной краски из червцов.

Однако для нашей темы особенно важна роль тюркских языков в истории обсуждаемого «блуждающего» обозначения. Оно распространено практически только в огузских языках, где вытеснило исконное общетюркское наименование красного (*qizil* и под.): тур. *kirmizi*, азерб. *qirmizi*, туркм. *gyrmysy*, *kirmizi* наряду с *gyzyl* и др. [Дыбо 2013: 429]. Это довольно позднее обозначение, не зафиксированное ранними источниками; ссылок на него нет, например, в [ДТС; Clauson 1972; ЭСТЯ]. Однако только в тюркских языках возникает звуковая переключка корней и производных со значениями ‘черный’ и ‘красный’ — *qara* и *qirmizi*, с ее последующей разработкой уже у самого Достоевского — *Каракозов* и *Кармазинов*: вольно говоря, черноглазый (и тем самым вообще черный) царевич, щеголяющий в красном барском наряде. Другие рассматриваемые в дальнейшем механизмы соотнесения «красных» и «черных» образов и смыслов в романе, как бы далеко они ни отходили от исходной этимологической точки, оказываются связанными с изначальной этимологической двусмысленностью и многоязычным ареалом существования этих этимологически родственных терминов.

В связи с вышеизложенным может возникнуть вопрос: в какой степени в сознании Достоевского могла существовать связь между соответствующими корнями и словами восточных языков, а в какой мере она может отмечаться только с позиции читателя и с позиции смысловой структуры самого текста. На это можно ответить так. Как кажется, этимологические глубины индоиранских и тюркских языков Достоевский почти наверняка не знал (даже та тюркская стихия, с которой он мог соприкоснуться в сибирской ссылке,

заведомо не была огузской, а именно для огузского характерно рассматриваемое обозначение). Но связь этого блуждающего, мигрирующего и мимикрирующего цветообозначения с красным Достоевский мог и, по-видимому, должен был осознать, во-первых, через указанную связь с красным цветом кармазина, использованную и явно обыгранную им за несколько лет до «Братьев Карамазовых», во-вторых, через многочисленные заимствования **qirmiz* в европейские языки. Достаточно сослаться на фр. *cramoisi*, вар. *carmoisi* (у Гюго в «Кромвеле», «Рюи Блазе», «Легенде веков», у Бальзака в «О Екатерине Медичи», в том числе со ссылкой на Рабле, Стендаля в «Пармской обители», Эжена Сю в «Парижских тайнах» и др. — почти всегда речь идет о цвете, окраске шелка, бархата или сукна), а также на нем. *Karmesin* (например, в переводе Библии, в частности, многократно в Исх. 39) и др. Ср., впрочем, и многократные апелляции В. Н. Топорова к этимологическому компоненту как потенциально сохраняющему свое значение и для более поздних употреблений (см. хотя бы работу о др.-греч. σοφία и его возможном выведении из индоевропейского рефлексивного местоимения [Топоров 1980: 160–167] или работы о корне *свят-* [Топоров 1995]).

3.1. *Кармазов: красное и черное*

Итак, мы показали, что номинация *Кармазов* может сочетать в себе потенциал для двух колористических интерпретаций: «красное» (*qirmizi*) vs «черное» (*qara*). Нам представляется, что именно эта оппозиция, реализующаяся в рамках заглавной номинации романа, лежит в основе глубинной структуры текста. Она принимает различные формы и проявляется на разных уровнях.

3.1.1. *Земля vs кровь*

Реализация этой оппозиции осуществляется на уровне сюжета. Именно с проблемой разделения имущества (конкретнее — земельных владений) связан один из центральных сюжетных конфликтов, обеспечивающий детективную составляющую романа. Дмитрий нуждается в деньгах, и возможное убийство им отца мотивируется не только тем, что Дмитрий ревнует Грушеньку к Федору Павловичу, но и материальной необходимостью. Мотив ревности совмещается с мотивом острой нужды в деньгах:

<Митя> вполне был уверен, что Федор Павлович непременно предложит (если уж не предложил) Грушеньке законный брак, и не верил ни минуты, что старый сластолюбец надеется отделаться лишь тремя тысячами. ... Вот почему ему и могло казаться временами, что вся мука Грушеньки и вся ее нерешимость происходит тоже лишь оттого, что она не знает, кого из них выбрать и кто из них будет ей выгоднее [Достоевский 1991: 406].

Большая часть восьмой книги посвящена именно поискам денег:

В случае если она скажет ему: «Я твоя, увези меня», то как он ее увезет? Где у него на то средства, деньги? У него как раз к этому сроку иссякли все до сих пор не прерывавшиеся в продолжение стольких лет его доходы от подачек Федора Павловича [Достоевский 1991: 408].

Дмитрий пытается продать рощи отца, но попытка заканчивается неудачей (глава «Лягавый»). Далее Дмитрий хочет занять три тысячи у Хохлаковой — однако и этот «простой план» проваливается (глава «Золотые прииски»). А в следующей главе («В темноте» — актуализируется семантика черноты, появляется черный цвет) погибает Федор Павлович. Затем в главе «Внезапное решение» на руках Дмитрия обнаруживается кровь:

Митя вдруг усмехнулся, и на бледных щеках его вспыхнул румянец. Феня в ту же минуту сказала ему, уже ни крошечки не боясь за свое любопытство:

– Руки-то какие у вас, Дмитрий Федорович, все-то в крови!

– Да, — ответил машинально Митя, рассеянно посмотрел на свои руки и тотчас забыл про них и про вопрос Фени [Достоевский 1991: 442].

Отметим двойное появление красного цвета: сначала на лице Дмитрия выступает румянец, а затем внимание фокусируется на окровавленных руках.

Черный цвет неразрывно связан с образом земли. Именно земля — потенциальный источник спасительного для Дмитрия дохода: и для достижения любовных целей, и для обеспечения собственного финансового самостояния. После того как Дмитрий не сумел получить деньги из земли, принадлежащей его отцу и сопернику, гибнет Федор Павлович, а руки Дмитрия обгаются кровью (отца, Григория или собственной). Именно после гибели Федора Павловича — центрального события первого тома «Братьев Карамазовых» — в восьмой книге актуализируется красный цвет, связанный именно с кровью: сначала кровь приливает к лицу Дмитрия, и он краснеет, а затем обнаруживается кровь на его руках. Образы земли и крови соединяются в фигуре Федора Павловича.

Любопытно, что эти образы тесно связаны и с прототипом Федора Павловича: «Для Достоевского выбор имен имел особый смысл. Своего отца *mutatis mutandis* он вывел в старике Карамазове. Тяжелого нрава старик был убит крестьянами по дороге в Чермашню» [Анциферов 1923: 94].

С землей связан и образ Дмитрия, но уже на метафизическом уровне. И. Л. Чижова отмечает: «Следует обратить внимание на его связь не просто с землей, а именно с русской землей. Он восклицает: “Россию люблю, Алексей, русского бога люблю”. Мы не знаем наверняка, как закончится история Мити, но <...> произошедший в нем поворот навсегда изменил его, и вряд

ли он сможет бросить родную землю и бежать за границу» [Чижова 2013: 75]. Связанный с землей и зависимый от земли, именно Митя обагрывает руки кровью — еще один Карамазов, сочетающий в себе красное и черное.

Наконец, связь Дмитрия с землей подчеркивается и в репликах самого героя. Размышляя об отце, Дмитрий задается вопросом:

...можно ли еще позволить ему бесчестить собою землю [Достоевский 1991: 84].

Раздумывая о самоубийстве, Дмитрий снова вспоминает о земле:

...не бременить уже более землю, не бесчестить низким своим присутствием [Достоевский 1991: 174].

Пожалуй, точнее всех связь Дмитрия с землей сформулировал М. С. Альтман: «“Не бременить землю” — у другого это могло быть стандартной фразой, ходячим выражением. Но не у Дмитрия, не у того, у кого такая кровная, им всегда ощущаемая, связь с землей. Не у того, чье и само имя — Дмитрий — так значимо ассоциируется с именем матери-земли — Деметры» [Альтман 1976: 117]. Само альтмановское выражение «кровная связь с землей» донельзя точно выражает двуединство упомянутых концептов, единение красного и черного в пределах одного образа «Братьев Карамазовых».

3.1.2. Духовное vs военное

Реализация этой оппозиции осуществляется на уровне системы персонажей. Частный случай — противостояние «Алеша vs Дмитрий»: младший брат против старшего.

Алеша близок черному духовенству:

Был он просто ранний человеколюбец, и если ударился на монастырскую дорожку, то потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его [Достоевский 1991: 20].

Огромное влияние на него оказал монастырский старец Зосима. Кроме того, семантика черного цвета может метонимически эксплицироваться за счет цвета облачения Алеши. Дмитрий же, вышедший в отставку в должности поручика, ассоциируется с военной сферой — ему сопутствует красный цвет.

В связи с этим нельзя не сказать об опыте исследований семантики красного и черного в романе Стендаля. Примечательна полемика Ю. М. Лотмана и Б. Г. Реизова о проблеме названия «*Красное и черное*». Б. Г. Реизов доказывает, что оппозиция «черное vs красное» = «духовное vs военное» = «сутана vs мундир» ошибочна, поскольку в описываемую Стендалем эпоху во французской армии не было красных мундиров [Реизов 1970: 170]. Ю. М. Лотман же

настаивает, что такая интерпретация допустима, поскольку название романа Стендаля может быть воспринято как цитата из «Тристрама Шенди» Л. Стерна: «Здесь в истории Лефевра читатель находил спор о сравнительных достоинствах военной и духовной карьеры, причем капрал Трим утверждал, что священники отличаются от солдат лишь лицемерием. “Вот этого не следовало говорить, Трим, — сказал мой дядя Тоби, ибо один Господь знает, кто лицемер и кто нет <...>. А тем временем, Трим, мы можем быть уверены, для нашего успокоения, — продолжал мой дядя Тоби, — что Всевышний Бог настолько добрый и справедливый управитель мира, что, если мы только исполнили в нем свои обязанности — никто не станет и спрашивать, сделали ли мы это в красных мундирах или в черных кафтанах”» [Лотман 1993: 429]. Ю. М. Лотман резюмирует: «Ссылка на цвет мундиров французской армии прямого отношения к делу не имеет, так как у Стендаля речь идет не о какой-либо реальной форме обмундирования, а о литературной ассоциации» [Там же].

Представляется, что и в нашем случае речь идет не столько о метонимической паре «сутана vs мундир», сколько о противопоставлении двух ассоциативных полей. Достоевский, несомненно, читал Стерна: одно из первых упоминаний этого автора обнаруживается в переписке с братом Михаилом еще в мае 1845 г. [Достоевский 1845]; он также поместил историю Марии, покинутой женихом и сошедшей с ума, рассказанную Стерном в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии», в пространство романа «Идиот» [Иванов 1996: 323].

Вероятно, противопоставление старшего брата младшему по линии «духовное / черное vs военное / красное» и в этом случае также восходит к «литературной ассоциации». Стендалевской темы мы коснемся в дальнейшем, а здесь ограничимся констатацией типологического сходства используемых ассоциативных полей и наличием общего претекста, на который Достоевский — сознательно или бессознательно — мог опираться и при написании «Братьев Карамазовых»².

3.1.3. Революция vs реакция

Эта оппозиция связана в первую очередь с идеологическим уровнем романа.

² Любопытен еще один довод Лотмана: «Именно здесь проявился глубокий разрыв Стендаля со своим временем: читатель (и критик) 1830-х гг. вычеркнул XVIII в. и его уроки из своей культурной памяти. Намек остался непонятым ни современной Стендалю литературой, ни ее исследователями» [Лотман 1993: 429]. Между «Селом Степаничковым» (1859) со следом Стерна и «Братьями Карамазовыми» (1877–1880) временной промежуток значительно меньше, что также может говорить в пользу присутствия стернианской мотивировки в «Карамазовых».

Красный цвет соотносится с революцией, а черный — с реакцией. Такие колористические ассоциации твердо фиксируются с начала XIX в. Красный цвет становится революционным со времен Великой французской буржуазной революции — в ту пору одним из ключевых символов освободительного движения стал красный фригийский колпак. Черный же ассоциируется с реакцией, крайним консерватизмом. Любопытно, что на русском материале семантика черного цвета смыкается с образом земли. В 1905 г. «Черная сотня» будет так названа из-за того, что в допетровской России «черными» назывались земельные наделы, которые облагались налогами в пользу государства.

С одной стороны, присутствие революционной темы в романе обусловлено самой эпохой его написания и состоянием общественной жизни. «Теперь в Европе все поднялось одновременно, все мировые вопросы разом, а вместе с тем и все мировые противуречия...» — писал в «Дневнике писателя» 1877 г. автор «Карамазовых» (май — июнь, гл. 2, § III). Эта острота «мировых противуречий», особенно усилившаяся и в России, и на Западе к концу XIX в., отражена в романе» [Фридлиндер, Ветловская 1991: 604].

С другой стороны, упоминания мотивов и деталей, связанных с концептом революции, встречаются уже на первых страницах. Характеризуя во второй главе Петра Александровича Миусова, одного из воспитателей Дмитрия Карамазова, Достоевский подчеркивает, что тот

...знавал лично и Прудона и Бакунина и особенно любил вспоминать и рассказывать, уже под концом своих странствий, о трех днях февральской парижской революции сорок восьмого года, намекая, что чуть ли и сам он не был в ней участником на баррикадах [Достоевский 1991: 12].

Н. А. Бердяев видел пророческое отражение противоречий, лежащих в основе русской революции, в диалектическом противостоянии Смердякова и Ивана Карамазова: «Достоевский предвидел, что Смердяков возненавидит Ивана, обучившего его атеизму и нигилизму. И это разыгрывается в наши дни между “народом” и “интеллигенцией”. Вся трагедия между Иваном и Смердяковым была своеобразным символом раскрывающейся трагедии русской революции» [Бердяев 1918].

Мотивы революции в первом томе «Братьев Карамазовых» прямо или косвенно сопряжены с образами Дмитрия и Ивана Карамазовых. Однако существует гипотеза, влиятельная и получившая значительное распространение, согласно которой в продолжении романа на путь революционера должен ступить и третий брат — Алеша. Кажется, первым заявил о развитии революционной темы во втором томе А. С. Суворин. Ссылаясь на беседы с Ф. М. Достоевским, он утверждал: «Алеша Карамазов должен был <...>

явиться героем, из которого он хотел создать тип русского социалиста, не тот ходячий тип, который мы знаем и который вырос вполне на европейской почве... Он искал бы правду, и в этих поисках, естественно, стал бы революционером» [Суворин 1923: 16]. Точка зрения спорная; воспоминания современников, родных и близких Достоевского относительно продолжения романа разнятся, и потому, скорее всего, «идея о царевубийстве» и казнь Алексея были «одними из нескольких вариантов развязки, которые в разное время мелькали в голове автора при обдумывании второго тома дилогии» [Там же].

Для нас представляется существенным, что в той или иной степени революционные мотивы возникают в связи с каждым из братьев Карамазовых. Соположение «красного», революционного комплекса образов и мотивов с «черным», консервативным, находящее отражение в пределах единой номинации, оказывается иллюстрацией диалектической, противоречивой природы образа Карамазовых. Номинация *Карамазов* таит в себе и красное, и черное, что служит ключом к роману, оказывается емкой и краткой репрезентацией сложного, идейно-философски противоречивого интеллектуального уровня романа.

3.2. Стендаль и Достоевский: к проблеме соположения

Говоря о противопоставлении красного и черного в рамках художественного текста, мы неизбежно приходим к вопросу о связи изучаемого текста с романом Стендаля «Красное и черное» и о степени зависимости этого текста от знаменитого французского романа, в котором эта оппозиция актуализировалась столь отчетливо.

Стендаль значительно чаще сопоставляется с Толстым [Гроссман 2000; Жолковский 2012], а сопоставление — хотя бы типологическое — Достоевского и Стендаля никогда не осуществлялось.

В первую очередь следует сказать о работе Р. Н. Эсенбаевой «Стендаль и Достоевский: типология романов “Красное и черное” и “Преступление и наказание”» [Эсенбаева 1991] и о статье Г. М. Фридлендера «Стендаль и Достоевский» [Фридлендер 1995]. Чаще всего соплагаются романы «Красное и черное» и «Преступление и наказание», а образ Жюльена Сореля — с образом Раскольниковова. В. С. Парсамов [2019] предпринимает попытку сопоставления романа Стендаля с «Подростком» Достоевского. Общим местом в подобного рода исследованиях стала констатация: у нас нет четких данных, указывающих на то, что Достоевский был знаком с творчеством Стендаля [Там же]. Заметим, впрочем, любопытную деталь: первый перевод «Красного и черного» на русский язык был опубликован в 1874 г. в «Отечественных записках» (перевод А. Н. Плещеева, одного из петрашевцев). И все же, как

резюмирует Г. М. Фридлендер, «мы не располагаем фактическими данными для решения вопроса о том, читал ли Достоевский “Красное и черное” до или после создания “Преступления и наказания” и других его великих романов 60–70-х годов (и даже после появления перевода Плещеева) <...> Тем не менее все это не мешает <...> ставить вопрос о чертах типологического сходства между Стендалем и Достоевским как романистами-исследователями психологии человека и человеческого общества и о близости тех путей, по которым они шли к разгадке ее тайн» [Фридлендер 1995: 273].

Серьезно говорить о заимствовании Достоевским у Стендаля модели оппозиции «красное vs черное» как глубинной и организующей текст невозможно. Имеет место типологическое сходство, синонимия не конкретных имен, персонажей и сюжетных ходов, но импликаций, ассоциирующихся с «красным» и «черным» и лежащих в общем пространстве литературной и культурной традиции.

4. Заключение

Конечно, обозначенный перечень оппозиций неполон; в силу ограниченности объема статьи мы остановились на самых, на наш взгляд, репрезентативных оппозициях — и пришли к следующим итогам.

1. *Кармазов* — уникальная для русской литературы номинация, допускающая ряд взаимодополняющих интерпретаций, мотивировки которых представляются убедительными и основательными.

2. Номинация *Кармазов* является ключом к пониманию текста. Именно она заключает в себе те оппозиции, конфликты, которые реализуются на различных уровнях романа и организуют весь текст.

3. Главной оппозицией романа оказывается «красное vs черное». Она пронизывает весь текст, актуализируясь на разных уровнях: на уровне сюжета, системы персонажей, на уровне интертекста и в пространстве литературных ассоциаций.

Таким образом, красное и черное в «Братьях Кармазовых» становятся семантическими инвариантами, формирующими глубинную оппозицию, которая выполняет структурообразующую функцию. И со-бытие двух колористических интерпретаций фамилии (*кара* и *кыргыз*; «черное» и «красное») в рамках заглавной номинации *Кармазов* является своеобразной проекцией глубинного процесса, обнаруживающего себя по всему тексту. *Кармазов* оказывается наиболее броским репрезентантом противопоставления красного и черного, в свете которого можно продуктивно анализировать весь текст.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

булг.-казан. булгаро-казанский диалект татарского языка	прагерм. праслав.	прагерманский язык праславянский язык
---	----------------------	--

Источники

- Бердяев Н. А.* Духи русской революции // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова : [сайт]. URL: http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/duhi.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 07.04.2023).
- Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому (4 мая 1845) // Федор Достоевский : антология жизни и творчества : [сайт]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/works/letters/1845-1849/04-05-1845/> (дата обращения: 07.04.2023).
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 15 т. Т. 9. Л. : Наука, 1991.
- Кулеш П.* Киевские богомольцы в XVII столетьи // Современник. 1846. Т. 61. С. 62–121.
- Суворин А. С.* Дневник. М. ; Петроград : Изд-во Л. Д. Френкель, 1923.

Исследования

- Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976.
- Анциферов Н. П.* Петербург Достоевского. Петроград : Брокгауз-Ефрон, 1923.
- Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979.
- Бондаренко Т. А.* Антропонимия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2006.
- Гамель И. Х.* Об араратской кошенили. М. : Тип. Селивановского, 1835.
- Гроссман Л. П.* Стендаль и Толстой // Цех пера. Эссеистика. М. : Аграф, 2000. С. 92–113.
- ДТС — Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л. : Наука, 1976.
- Дыбо А. В.* Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана : Prosper Print, 2013.
- Жолковский А. К.* «Толстовские» страницы итальянского романа Стендаля (К остранению войны в «Пармской обители» и «Войне и мире») // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In honor of Stefano Garzonio / ed. G. Capri, L. Fleishman, B. Sulpasso. Stanford : Berkeley Slavic Specialties, 2012. P. 198–220.
- Иванов М. В.* Судьба русского сентиментализма. СПб. : Эйдос, 1996.
- Ковалев Б. В.* Имя в прозе: очерки по номинологии. СПб. : Нестор-История, 2023.
- Лотман Ю. М.* Несколько слов к проблеме «Стендаль и Стерн» (Почему Стендаль назвал свой роман «Красное и черное»?) // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3. С. 428–429.
- Парсамов В. С.* «Стендалевский след» в «Подростке» Достоевского // Вопросы литературы. 2019. № 5. С. 226–245. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-5-226-245>
- Пис Р.* Правосудие и наказание: «Братья Карамазовы» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М. : Наука, 2007. С. 10–38.
- Реизов Б. Г.* Почему Стендаль назвал свой роман «Красное и Черное»? // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л. : Изд-во ЛГУ, 1970. С. 170–186.

- Скуридина С. А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж : Науч. книга, 2007.
- Топоров В. Н. Еще раз о др.-греч. ΣΟΦΙΑ: происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста / под ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука, 1980. С. 148–173.
- Топоров В. Н. Святые и святость в культуре Древней Руси : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1995. Т. 1. С. 439–490.
- Унбегаун Б. Русские фамилии. М. : Прогресс, 1989.
- Фридлиндер Г. М. Стендаль и Достоевский // Фридлиндер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб. : Наука, 1995. С. 269–285.
- Фридлиндер Г. М., Ветловская В. Е. Примечания. Параграф 5 // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 9. Л. : Наука, 1991. С. 604–607.
- Чиждова И. Л. Роль антропонимов в раскрытии идейного замысла романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологический класс. 2013. № 4. С. 74–78.
- Эсенбаева Р. Н. Стендаль и Достоевский: типология романов «Красное и черное» и «Преступление и наказание». Тверь : Изд-во ТГУ, 1991.
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков / сост. Э. В. Севортыян, Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М. : Наука, 1974—. Т. 1—.
- Яценко В. В. О проблеме кармина с точки зрения энтомолога и филолога // Tethys Entomological Research. 1999. Vol. 1. P. 47–58.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford : Oxford Univ. Press, 1972.

References

- Altman, M. S. (1976). *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. By Milestones of Names]. Saratov: Saratov University Press.
- Antsiferov, N. P. (1923). *Peterburg Dostoevskogo* [Dostoyevsky's Petersburg]. Petrograd: Brokgauz-Efron.
- Baskakov, N. A. (1979). *Russkie familii tiurkskogo proiskhozhdeniia* [Russian Surnames of Turkic Origin]. Moscow: Nauka.
- Bondarenko, T. A. (2006). *Antroponimiia romana F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sistema, struktura, funktsii* [Anthroponymy of Fyodor Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*: System, Structure, Functions] (Doctoral dissertation). Tyumen State University, Tyumen.
- Chizhova, I. L. (2013). Rol' antroponimov v raskrytii ideinogo zamysla romana F. M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy" [The Role of Anthroponyms in Revealing the Ideological Concept of Fyodor Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*]. *Filologicheskii klass*, 4, 74–78.
- Clauson, G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford: Oxford University Press.
- Dybo, A. V. (2013). *Etimologicheskii slovar' bazisnoi leksiki tiurkskikh iazykov* [Etymological Dictionary of the Basic Vocabulary of Turkic Languages]. Astana: Prosper Print.
- Esenbaeva, R. N. (1991). *Stendal' i Dostoevskii: tipologiia romanov "Krasnoe i chernoie" i "Prestuplenie i nakazanie"* [Stendhal and Dostoevsky: Typology of the Novels *The Red and the Black* and *Crime and Punishment*]. Tver: Izd-vo TGU.
- Friedlender, G. M. (1995). *Pushkin. Dostoevskii. "Serebrianyi vek"* [Pushkin. Dostoevsky. The "Silver Age"]. St Petersburg: Nauka.
- Friedlender, G. M., & Vetlovskaya, V. E. (1991). Primechaniia. Paragraf 5 [Notes, Paragraph 5]. In F. M. Dostoevsky, *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vol. 9, pp. 604–607). Leningrad: Nauka.

- Grossman, L. P. (2000). Stendal i Tolstoy [Stendhal and Tolstoy]. In *Tsekh pera. Esseistika* [The Craft of Writing]. Moscow: Agraf.
- Hamel, K. J. (1835). *Ob araratskoi koshenili* [About Ararat Cochineal]. Moscow: Tip. Selivanovskogo.
- Ivanov, M. V. (1996). *Sud'ba russkogo sentimentalizma* [The History of Russian Sentimentalism]. St Petersburg: Eidos.
- Kovalev, B. V. (2023). *Imia v proze: ocherki po nominologii* [Name in Prose: Essays on Naming Characters]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Lotman, Yu. M. (1993). *Izbrannye stat'i* [Selected Papers] (Vols. 1–3). Tallinn: Aleksandra.
- Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., & Shcherbak, A. M. (Eds.). (1976). *Drevnetiurksskii slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
- Parsamov, V. S. (2019). “Stendalevskii sled” v “Podrostke” Dostoevskogo [“Stendhal’s Trace” in *The Adolescent* by F. Dostoyevsky]. *Voprosy literatury*, 5, 226–245. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-5-226-245>
- Peace, R. (2007). Pravosudie i nakazanie: “Brat'ia Karamazovy” [Justice and Punishment: *The Brothers Karamazov*]. In T. A. Kasatkina (Ed.), *Roman F. M. Dostoevskogo “Brat'ia Karamazovy”: sovremennoe sostoianie izucheniia* [Fyodor M. Dostoevsky’s novel *The Brothers Karamazov*: Current State of Study] (pp. 10–38). Moscow: Nauka.
- Reizov, B. G. (1970). *Iz istorii evropeiskikh literatur* [From the History of European Literatures]. Leningrad: Izd-vo LGU.
- Sevortyan, E. V., Levitskaya, L. S., Dybo, A. V., & Rassadin, V. I. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' tiurksskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Turkic Languages] (Vol. 1–). Moscow: Nauka.
- Skuridina, S. A. (2007). *Poetika imeni u F. M. Dostoevskogo (na materiale romanov “Podrostok” i “Brat'ia Karamazovy”)* [Poetics of the Name in Fyodor Dostoevsky’s Writing (Based on the Novels *The Adolescent* and *The Brothers Karamazov*)]. Voronezh: Nauchnaia kniga.
- Toporov, V. N. (1980). Eshche raz o dr.-grech. ΣΟΦΙΑ: proiskhozhdenie slova i ego vnutrennii smysl [Another Look on the Ancient Greek ΣΟΦΙΑ: The Origin of the Word and its Meaning]. In T. V. Tsivyian (Ed.), *Struktura teksta* [Text Structure] (pp. 148–173). Moscow: Nauka.
- Toporov, V. N. (1995). *Sviatye i sviatost' v kul'ture Drevnei Rusi* [Saints and Holiness in the Culture of Ancient Rus'] (Vol. 1, 439–490). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Unbegaun, B. (1989). *Russkie familii* [Russian Surnames]. Moscow: Progress.
- Yashchenko, V. V. (1999). O probleme karmina s tochki zreniia entomologa i filologa [On the Problem of Carmine from the Entomological and Philological Perspective]. *Tethys Entomological Research*, 1, 47–58.
- Zholkovsky, A. K. (2012). “Tolstovskie” stranitsy ital'ianskogo romana Stendalia (K ostraneniui voiny v “Parmaskoi obiteli” i “Voine i mire”) [The “Tolstoy” Pages of the Italian Novel by Stendhal (Towards the Defamiliarization of War in the *Parma Monastery* and *War and Peace*)]. In G. Capri, L. Fleishman, & B. Sulpasso (Eds.), *Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In honor of Stefano Garzonio* (pp. 198–220). Stanford: Berkeley Slavic Specialties.